

Сун Чжэнь слегка опешил, но быстро сообразил, что Минда просит не того кузнечика, которого он сплел. Хотя ему было непонятно, зачем ей это, он всегда был послушным ребёнком, и раз мать попросила, он без лишних вопросов передал ей игрушку.

Минда взяла травяного кузнечика и внимательно его осмотрела, но вскоре задумалась. Сун Чжэнь, сидя рядом, не осмелился её отвлекать. Мальчик, подперев подбородок рукой, наблюдал, как мать погрузилась в свои мысли. Так они проехали весь путь, пока стук остановившейся кареты не вывел Минду из раздумий. Однако, даже когда они вышли и вернулись в резиденцию принцессы, она не вернула кузнечика сыну.

Вернувшись в резиденцию, они разошлись. Минда лишь мимоходом поинтересовалась, как дела у Сун Чжэня, и удалилась в свои покои.

Служанка, подошедшая помочь ей переодеться, была мягко отправлена прочь, а вместе с ней и все остальные. Сжав губы, Минда подошла к кровати и нажала на резную деталь, открыв потайной ящичек.

Механизм был простым, и в ящичке не хранилось ничего ценного — лишь деревянная шкатулка. Когда Минда открыла её, содержимое вызвало у неё смешанные чувства: внутри лежал ещё один травяной кузнечик, давно утративший свою былую живость, сухой и пожелтевший от времени. На нём также виднелось тёмное пятно, намекающее на что-то зловещее.

Каждый раз, видя этого кузнечика, Минду охватывала острая боль, и на её лице появлялась печаль.

Когда-то был человек, который с детства баловал и радовал её, принося из-за пределов дворца разные безделушки. Травяных кузнечиков у неё было особенно много, потому что он плел их сам, и она особенно любила их. Зная это, он часто дарил их ей, чтобы поднять настроение, и она с радостью принимала их.

Поскольку кузнечиков было много, Минда не придавала им особого значения — ведь они быстро теряли форму и желтели. Она поиграет с ними и забудет, куда их положила, зная, что в следующий раз он сплетёт ей нового. Однако маленькая принцесса тогда и подумать не могла, что однажды человек, который дарил ей этих кузнечиков, исчезнет, а этот, бережно хранимый ею, станет последним.

Десять лет назад, после смерти покойного императора, на трон взошёл новый правитель, и переход власти прошёл без особых потрясений. Поэтому никто не ожидал, что через месяц после траура во дворце вспыхнет мятеж. Бунт, начатый императорской гвардией, был связан с тайнами прошлого, и за ним скрывалось множество заговоров.

Минда не интересовалась этими интригами, потому что в этом мятеже она потеряла человека, который был для неё самым важным. Та защитила её от летящих стрел, бережно оберегала, и в последний момент лишь с тоской посмотрела на неё, сказав:

— Прости.

Прошло десять лет, но эта сцена до сих пор преследует Минду в кошмарах, а этот кузнечик — последнее, что она нашла в её руках.

Когда-то ярко-зелёный, он стал жёлтым и сухим, а пятно крови потемнело. Пальцы Минды слегка дрожали, и она вспоминала ту боль, которая разрывала её сердце... Нет, эта боль не утихала до сих пор.

Собравшись с силами, она достала кузнечика, полученного от Сун Чжэня, и сравнила их.

Даже спустя десять лет было видно, что техника плетения у них одинаковая. Минда не знала, сколько людей в мире умеют плести таких кузнечиков и сколько используют ту же технику, но, увидев кузнечика в руках Сун Чжэня, она почувствовала, что что-то в её сердце дрогнуло.

Голос в глубине души твердил ей, что это нельзя игнорировать.

Тан Чжао намеренно сближалась с Сун Чжэнем. Плести кузнечиков для ребёнка было простым делом, но в этом был и скрытый смысл.

Однако все её планы нарушил Чжэн Юань — она хотела встретиться с Миндой, но не планировала брать его с собой на встречу с принцессой. Помимо прочего, это могло вызвать слухи. Поэтому, когда Сун Чжэнь попрощался с ней, она ничего не сказала, лишь посмотрела вслед уезжающей карете, после чего Чжэн Юань увёл её.

За несколько дней общения они немного сблизились, и Чжэн Юань решил воспользоваться выходным, чтобы укрепить их отношения, предложив Тан Чжао прогуляться. Однако у неё не было ни настроения, ни желания, и она вежливо отказалась, после чего отправилась домой.

Семья Тан не была знатной в столице, а глава семьи занимал лишь четвёртый ранг в военной иерархии, что делало их незаметными. Однако главой семьи был не отец Тан Чжао, а её дядя. Её отец был вторым сыном в семье, но погиб много лет назад, оставив её и мать, госпожу Сюэ, вдвоём.

Возможно, именно поэтому вторая ветвь семьи жила очень скромно, но госпожа Сюэ очень заботилась о Тан Чжао. Даже в те дни, когда женщины обычно не выходили из дома, она всегда ждала дочь у ворот, когда та возвращалась из школы.

Сегодня не стало исключением. Госпожа Сюэ ждала у ворот и, увидев карету Тан Чжао, с радостью подошла к ней.

Тан Чжао вышла из кареты и только успела позвать:

— Мама, — как госпожа Сюэ схватила её и стала внимательно осматривать.

В конце она ласково посмотрела на лицо дочери и заговорила:

— Ачжао, ты похудела, и цвет лица у тебя плохой. Это из-за того, что ты не до конца оправилась после болезни и сразу вернулась в школу. Я говорила, что тебе нужно взять отпуск и отдохнуть, но ты не послушала. Ладно, теперь, когда ты дома, нужно хорошо подкрепиться...

Она говорила долго, выражая заботу о здоровье дочери и переполняясь любовью. Хотя Тан Чжао находила это немного утомительным, она, давно лишившаяся матери, чувствовала тепло от такой заботы.

Успокоив мать, Тан Чжао уже собиралась проводить её обратно, как вдруг столкнулась с несколькими кузинами из старшей ветви семьи.

Видимо, услышав слова госпожи Сюэ, одна из девушек, проходя мимо, тихо, но отчётливо пробормотала:

— Зачем ей подкрепляться? Всё равно она такая же болезненная, только деньги семьи тратит.

Эти слова были явной провокацией.

На самом деле, здоровье Тан Чжао было не так уж плохо, она была такой же хрупкой, как и большинство женщин, конечно, не сравнить с мужчинами. Внешне она тоже была слишком стройной и красивой, с чертами лица, которые вызывали зависть у многих девушек. Поэтому, переодевшись в мужскую одежду, она с детства притворялась слабой, и теперь этот образ прочно закрепился.

Тан Чжао не помнила, чтобы это приносило ей какие-то преимущества, но, судя по словам девушки, та считала, что её слабость — это напрасная трата семейных средств. Даже не участвуя в этом, Тан Чжао почувствовала, как её сердце сжалось.

Однако, если Тан Чжао могла сдержаться, госпожа Сюэ — нет. Как мать, защищающая своего ребёнка, она, не обращая внимания на статус и возраст девушки, резко ответила:

— Ачжао тратит деньги нашей ветви семьи, какое это имеет отношение к тебе?!

Затем она бросила на девушку презрительный взгляд и добавила:

— Всего лишь незаконнорождённая, а уже важничает.

Несколько колких слов могли стать началом домашнего конфликта, по крайней мере, словесной перепалки.

Тан Чжао бесстрастно наблюдала за развитием событий, но в душе оставалась спокойной — её отец в молодости был ветреным, и в доме всегда хватало наложниц и незаконнорождённых детей. Поэтому домашние склоки стали обычным делом, и она, защищаемая отцом, видела много подобных сцен, а он даже учил её, как вести себя в таких ситуациях... Он был не самым лучшим отцом, но, по крайней мере, не глупым.

Тан Чжао, выдавая многое, не придавала этому конфликту особого значения и, после того как госпожа Сюэ ответила, собиралась оставить всё как есть. Однако у этой истории было продолжение: глава семьи Тан Миндун как раз вернулся домой и застал их на месте.

<http://bllate.org/book/15453/1370936>